

Такое стилистическое использование собственных имен характерно для памятников сатирической литературы XVII в. вроде „Калязинской челобитной“ и „Праздника кабацких ярыжек“, в которых имена героев составляют только колоритную деталь в общей „натуралистической“ картине „кабацкого разорения“ и „монастырского разгула“, нарисованной их авторами. Героями „Калязинской челобитной“ оказываются по замыслу автора этой пародии известные исторические личности: Симеон, архиепископ Тверской и Кашинский (с 16 апреля 1676 г. до июня 1681 г.) и его современник Гавриил, архимандрит знаменитого Троицкого Калязина монастыря.¹

Имена пьяниц в „Празднике кабацких ярыжек“ — Розьянка, Кокорка, Трус, Куреха, Гомзин и Черный — также засвидетельствованы в документах XVI—XVII вв. на северо-востоке России; появление в сатире этих имен, известных только на северо-востоке Московского государства, тем более естественно, что автор „Праздника кабацких ярыжек“ сам, повидимому, был жителем Сольвычегодского края.²

Все эти наблюдения над отражением исторической действительности в сказках и повестях XVII в. заставляют нас быть особенно осторожными в интерпретации имени судьи в повести „Шемякин суд“, тем более, что в этой повести мы имеем не определенную фамилию вроде „Грудцын“ или „Сутулов“, а только распространенное в XVII в. русское имя сказочного героя.

Решение проблемы взаимоотношений исторической действительности и народного предания в данном случае означало бы уяснение историзма сказки, т. е. того, в какой мере сказка может служить историческим источником для характеристики легендарной личности и в чем проявляется это соответствие между исторической действительностью и сказочным повествованием. Историческую действительность в сказке необходимо искать не в бытовых деталях ее сюжета и не в самой фабуле, но в общем отношении к действительности, т. е. в той оценке, которую сказочник дает своему герою. Сказки об Иване Грозном³ являются историческими не потому, что в них имеются реалии XVI в., а потому, что в них выражается отношение народа к деятельности Грозного, которое сказалось в отборе определенных сюжетов, объединенных в цикл вокруг личности легендарного царя. Творчество народа отличается верным пониманием истории, которое побуждает народных сказителей приурочивать к своему герою лишь те издавна знакомые сказки и анекдоты, которые действительно отвечали народному пониманию истори-

¹ П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стр. 448. — Л. Денисов. Православные монастыри Российской империи. М., 1908, стр. 826—829.

² Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903. — В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.—Л., 1937, стр. 54.

³ Древняя и Новая Россия, 1876, № 4, стр. 313—323.